

А Д Р Е С Ъ :

Для подписки на газету и корреспонденции: Троицко-савскъ, редакціи газ. «Байкаль».

Для телеграммъ: «Троицко-савскъ—Байкаль».

Отдѣленія конторы Редакціи: Кяхта, у издателя газеты Иннокентія Алексѣевича Лушниковъ.

Б А Й К А Л Ъ

ВЫХОДИТЬ ВЪ КЯХТѢ

по Воскресеньямъ и Средамъ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или имѣющихъ свои главные конторы или правленія во всѣхъ мѣстахъ за границей и Россійской имперіи, за исключеніемъ Сибири и Азіатской Россіи, принимаются исклю-

чительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Сытова и его отдѣленіяхъ: въ Варшавѣ, Краковское предмѣстье, 53, въ С.-Петербургѣ, на Морской, 11.

Ц Ъ Н А

съ доставкой и пересылкой

На 1 г. . . . 6 р.

На полгода . . . 4 р.

На 1 мѣсяць . . . — 75 к.

Отдѣльный № . . . — 5 к.

Многороднія объявленія печатаются по 15 к. за строку петита позади текста. На первой страницѣ цѣна двойная. Разсылка объявленій на отдѣльныхъ листахъ по 5 р. за 500 экземпляровъ.

Рукописи должны доставляться съ адресомъ и полною подписью автора; имя и фамилія подъ статьями будутъ печататься по желанію. Всѣ статьи и замѣтки, въ случаѣ надобности редакціей сокращаются и исправляются; безъ обозначенія условій вознагражденія считаются бесплатными; непечатанныя возвращаются по востребованію и за счетъ автора.

548619044
24327

А. П. Чеховъ.

Проклятый Касьяновъ годъ!
 Горе за горемъ несетъ онъ Россію.
 Со дня смерти Тургенева мы, русское интеллигентное общество, не несли такой потери, какую понесли сейчасъ.
 Умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ.
 Вотъ истинное національное горе.
 Несравненный художникъ, достигшій зенита своего творчества, онъ падучей звѣздой вдругъ скатился съ несклона.
 Вдругъ,—тяжкая болѣзнь, чахотка, позволяла надѣяться, что онъ все-таки проживетъ хоть нѣсколько лѣтъ, создастъ еще не одно произведение. Онъ умеръ, когда поправлялся,—нежданно, отъ разрыва сердца.
 Въ его произведеніяхъ, полныхъ печали, но и робкой надежды въ лучшее будущее,—историкъ увидитъ вѣрное отраженіе его времени.
 Такъ, въ тихія, ясныя воды заснуваго озера смотрится окружающій пейзажъ.
 Вотъ ужъ, поистинѣ, когда не фраза:
 — Перо валится изъ рукъ.
 Въ такое безвременье и исчезаетъ такой талантъ.
 Вѣдь послѣ имени Л. Н. Толстого чье имя приносилось?
 А. П. Чехова.
 А сколько страданій было въ жизни этого писателя!
 25 лѣтъ тому назадъ студентъ медицинскаго факультета московскаго университета напечаталъ въ юмористическомъ журналѣ «Свѣтъ и Тѣни» свой первый рассказъ.
 За подписью:
 — Антоша Чехонте.
 Рассказъ понравился. За нимъ послѣдовалъ другой, за другимъ—третій.
 Эти рассказы,—всѣ изъ театральнаго быта,—были потомъ изданы отдѣльной книжкой «Сказки Мельпомены»,—и объ нихъ было напечатано въ московскихъ газетахъ милое объявленіе.
 — Антоша Чехонте. «Сказки Мельпомены». Цѣна 1 рубль. Книгопродавцамъ скидка. Пріятелямъ—*gratis*.
 Кто помнитъ эти рассказы?
 Самъ Антонъ Павловичъ, когда авторъ этихъ строкъ процитировалъ ему:
 — Публика любитъ театральныя недоразумѣнія. Если бы въ театрахъ вмѣсто спектаклей давались недоразумѣнія, театръ былъ бы всегда полонъ!
 засмѣялся и спросилъ
 — Откуда это?
 — Да «изъ васъ»! Изъ вашего разсказа «Суфлеръ».
 И Антонъ Павловичъ съ интересомъ слушалъ пересказъ собственнаго произведенія.
 — Припоминаю! Припоминаю! Я, дѣйствительно, это писалъ!
 А это были чудныя вещи!
 У Чехова на рукахъ была большая семья. Чеховская семья—исключительная по дружбѣ, которая ихъ всѣхъ связывала.
 Чтобъ учиться, чтобъ содержать семью, Чехову надо было писать, ежедневно писать... по разсказу.
 Онъ работалъ въ «Будильникѣ», «Осколкахъ», «Стрекозѣ». Эти рассказы потомъ оказались шедеврами.
 Чтобъ существовать, онъ обязанъ былъ каждый день создавать по шедеврѣ.
 Чеховъ потомъ вспоминалъ со смѣхомъ,—при какихъ условіяхъ ему приходилось работать.
 А тогда это была трагедія.
 Молодой и талантливый, онъ ея не замѣчалъ. А она была.
 Съ чѣмъ приходилось ему считаться!
 — Дорогой мой!—говорили ему.—Вы растягиваете! Опять у васъ въ фельетонѣ 250 строкъ,—а нужно 200!
 Чехова сокращали.
 Ему говорили:
 — Напишите что-нибудь... строкъ на двадцать.

Сквозь смѣхъ онъ вспоминалъ съ ужасомъ:
 — Самое ужасное, что именно редакторы юмористическихъ журналовъ у насъ лишены юмора! Каково тутъ юмористу?!
 И все это по 5, по 6 коп. за строчку.
 — Я помню, какъ въ первый разъ получилъ по 7 коп., устроилъ кутежъ на всю редакцію. Мнѣ казалось, что я достигъ «вершинъ славы»!—смѣялся онъ, вспоминая.
 При такихъ условіяхъ бился и пробивался Чеховъ.
 Роздыхъ въ матеріальномъ отношеніи ему дала «Петербургская Газета»—тутъ платили болѣе по-человѣчески,—и сдѣлать шагъ выше дало возможность «Новое Время».
 Много грѣховъ на журнальной совѣсти у А. С. Суворина. Но многое просится ему за одно:
 — Онъ далъ возможность стать на ноги А. П. Чехову.
 Чеховымъ Россія обязана Суворину.
 Не пригласи его «Новое время», Чеховъ, въ силу нужды, сгибъ бы въ юмористическихъ журналахъ и мелкихъ газетахъ.
 Такъ и ушелъ бы: и размѣнялся бы этотъ огромный талантъ на смѣшки надъ титулярными совѣтниками и на сценки.
 Г. Суворинъ, угадавшій чутьемъ,—что тамъ ни говорите,—большого литератора, огромный талантъ въ Чеховѣ, сказалъ ему:
 — Гдѣ бы, сколько бы вамъ ни предлагали,—печатайте, Антонъ Павловичъ, у меня. Я вамъ плачу больше. Я печатаю, все, что вы ни напишите.
 Чеховъ получилъ возможность писать, что онъ хочетъ, когда онъ хочетъ.
 Избавился отъ этой тягости подневольной, «каторжной» работы.
 Къ «Чехонте» относились свысока,—Чехова замѣтили.
 — Такой талантъ и не напишетъ ничего крупнаго!
 Его начали «спасать»:
 — Такой талантъ погибаетъ въ «Новомъ Времени».
 Первой крупной,—по размѣрамъ, по художественному значенію и раньше были вещи не менѣе «крупныя»,—первой крупной вещью Чехова былъ разсказъ «Степь», напечатанный въ «Русской Мысли».
 Толстый журналъ!
 Наша публика полна почтенія къ «толстымъ» журналамъ ужъ потому, что они «толстые».
 Обогащеніе толстыхъ!
 — Писатель, который печатается въ толстыхъ журналахъ!
 Публика начала относиться къ Чехову «серьезно».
 Воспоминанія о несправедливой трудности литератарнаго пути и вызвали горечь со дна многострадавшей души Чехова.
 Воспоминанія о критикѣ вызвали желчь.
 — «Нашъ высокоталантливый»... «Нашъ высокодаровитый»,—все это было нетрудно писать, когда Чеховъ былъ ужъ «признанъ».
 А въ началѣ пути...
 Замѣтила-ли наша «чуткая» критика Чехова, когда онъ начиналъ?
 Угадала-ли она талантъ въ томъ, передъ которымъ потомъ кувыркалась?
 Поддержала-ли писателя, когда онъ нуждался въ поддержкѣ?
 — Что про меня писали!—волновался больной Чеховъ воспоминаніями.—Что писали! Нѣтъ, вы отыщите! Скабичевскій посвятилъ мнѣ въ «Новостяхъ» фельетонъ, въ которомъ называлъ меня «безпринципнымъ» писателемъ. За что? Когда я былъ «безпринципнымъ»? Въ чемъ?
 — Да стоитъ-ли, Антонъ Павловичъ!..
 Но онъ заговоривъ о томъ, что мучило его незаслуженной обидой, не переставалъ:
 — «Русская Мысль»,—«Русская Мысль», которая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ печатала мой «Сахалинъ», что она про меня писала, за книжку моихъ маленькихъ разсказовъ. За что? За что?
 Критика усмотрѣла въ Чеховѣ «второго Лейкина», и только.
 Но мнѣніе это выражала такъ, въ такой формѣ, что черезъ 20 лѣтъ человекъ не могъ забыть.
 Кажется, чтобъ покончить съ этой репутаціей «безпринципнаго» писателя, Чеховъ и поѣхалъ на Сахалинъ.
 — Я поѣхалъ въ отчаяніи!—говорилъ онъ.
 Изобиліе статистическихъ цифръ, даже мѣшающее художественности чеховскаго «Сахалина»,—было продиктовано, по всѣмъ вѣроятіямъ, желаніемъ Чехова доказать, что онъ «серьезенъ», «серьезенъ», «серьезенъ».
 — Поймите же вы, господа, что и смѣясь, и говоря серьезно,—я всегда одинаково серьезенъ!—словно говорилъ Чеховъ.
 Въ чеховскомъ «Сахалинѣ» нѣтъ того художественнаго полета, какого мы въ правѣ бы ждать отъ Чехова.

Такой читатель, какъ Толстой, говорить о чеховскомъ «Сахалинѣ»:

— «Сахалинѣ» написанъ слабо!

Этимъ мы обязаны критикѣ.

Она связала крылья художнику. Она лишила Россію произведенія, навѣрное бы равнаго «Мертвому дому».

Художникъ-беллетристъ ударился въ статистику.

— Да, подите!—сказалъ онъ однажды автору этихъ строкъ:— напиши я Сахалинѣ въ «беллетристическомъ родѣ», безъ цифръ! Сказали бы: «и здѣсь побасенками занимается». А цифры— оно почтенно. Цифру всякій дуракъ уважаетъ!

Тамъ можно «затравить» писателя.

Но то, что, все-таки, сдѣлалъ Чеховъ для Сахалина,—такъ велико, что требуетъ особой статьи.

Не только тѣ несчастные, въ участь которыхъ Чеховъ, именно Чеховъ, внесъ колоссальную перемѣну, никогда не узнаютъ объ этомъ, но и русское общество не подозрѣваетъ, что сдѣлалъ Чеховъ своей книгой «Сахалинѣ».

Отлагая оцѣнку этой заслуги Чехова въ отношеніи «лишенныхъ всѣхъ человѣческихъ правъ» до специальной статьи по этому поводу, скажемъ пока:

— Чехову поѣздка на Сахалинѣ стоила жизни.

Да, жизни.

Въ семьѣ Чехова была склонность къ чахоткѣ.

Его братъ, талантливый художникъ и каррикатуристъ Николай Чеховъ умеръ отъ чахотки.

Но на Сахалинѣ Чеховъ уѣхалъ цвѣтушимъ юношей.

Проклятый климатъ Сахалина привилъ его предрасположенной натурѣ эту страшную болѣзнь

И съ Сахалина Чеховъ вернулся уже больной чахоткой, которая сократила его жизнь и наполнила страданіемъ его дни.

«Молодого Чехова» врядъ-ли узнаетъ публика.

Антонъ Павловичъ, запретившій Марксу печатать что-нибудь безъ его, Чехова, просмотра и разрѣшенія, вычеркнулъ изъ собранія сочиненій «всю свою юность».

А онъ любилъ ее.

Любилъ вспоминать свои злободневные фельетоны въ «Осколкахъ», въ «Новостяхъ Дня»,—фельетоны, полные личностей.

— Нѣтъ, какъ смѣло, какъ дерзко я тогда писалъ!—хохоталъ онъ.—Помните, про романиста П.: «былъ похожъ на всѣхъ великихъ людей, но только по недостатку: онъ былъ хромъ какъ Байронъ».

— А про Липскерова въ «Осколкахъ»? «А. Я. Липскеровъ! Не думайте, что это псевдонимъ. Это московскій издатель. Онъ былъ стенографомъ, но завелъ собственную газету и съ тѣхъ поръ сталъ ѣздить внутри конки, пить чай въ накладку и носить резиновые калоши».

Сколько такихъ злыхъ и мѣткихъ характеристикъ выбилось въ свое время изъ-подъ пера Чехова

— Антонъ Павловичъ! Зачѣмъ вы все это вычеркнули?

Онъ самъ колебался. Ему самому было жаль.

— Я посмотрю... Я подумаю...

А какъ это было бы интересно.

Посмотрѣть, какъ изъ жизнерадостнаго, смѣшливаго юноши вышелъ «поэтъ печали».

Интересно и въ литературномъ, и въ общественномъ даже отношеніи.

Не было званія для Чехова выше званія «писателя».

— Ну нѣтъ, нѣтъ, знаете; онъ писатель, настоящій писатель!—не было въ устахъ Чехова выше похвалы.

— Позвольте! Какой же это писатель?! Ловкачъ,—но не писатель!—не было хуже осужденія для человѣка, даже пользующагося большимъ «именемъ».

Какъ его «Три сестры», Чеховъ,—живя въ теплой и прекрасной Ялтѣ,—мечталъ о грязной Москвѣ.

— Жить и наблюдать можно въ провинціи, но писать только въ Москвѣ!

— Почему?

— Помилуйте! Въ Москвѣ жизнь! Москва! Въ Москвѣ писатели!

Хотя, какихъ такихъ писателей нашелъ Чеховъ въ Москвѣ?

(Продолженіе слѣдуетъ)

В. Дорошевичъ.

(Русск. Слово).